

В.А. Воскресенский

**Русская народная поэзия. Сборник сказок,
былин, исторических и бытовых песен,
обрядов, пословиц, загадок**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-34
ББК 82
В11

В11 **В.А. Воскресенский**
Русская народная поэзия. Сборник сказок, былин, исторических и бытовых песен, обрядов, пословиц, загадок / В.А. Воскресенский – М.: Книга по Требованию, 2020. – 302 с.

ISBN 978-5-518-05356-4

ISBN 978-5-518-05356-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

а лиса наварила манной каши и размазала по тарелкѣ. Подала и подбиваетъ: „покушай, мой голубчикъ-куманѣеъ! сама страпала“. Журавль хлопъ-хлопъ носомъ, стучаль-стучаль, ничего не попадаетъ! а лисица въ это время лижетъ себя да лижетъ кашу, такъ всю сама и екушала. Каша съѣдена; лисица и говоритъ: „не безсудь, любезный кумъ! больше подбивать нечѣмъ“. — Спасибо, кума, и на этомъ! Приходи ко мнѣ въ гости. На другой день приходитъ лиса, а журавль приготовилъ окрошку, наклакъ въ кувшинъ съ малымъ горлышкомъ, поставилъ на столъ и говоритъ: „кушай, кумушка, право больше нечѣмъ подбивать“. Лиса начала вертѣться вокругъ кувшина, и такъ зайдетъ, и этакъ, и лизнетъ его, и понюхаетъ-то, все ничего не достаетъ! не лѣзетъ голова въ кувшинъ. А журавль межъ тѣмъ клюетъ себя да клюетъ. пока все поѣлъ. „Ну, не безсудь, кума! больше угощать нечѣмъ“. Взяла лису досада, думала, что наѣстся на цѣлую недѣлю, а домой пошла какъ несолоно хлебала. Какъ аукнулось, такъ и откликнулось! Съ тѣхъ поръ и дружба у лисы съ журавлемъ — врозь.

(Ае. Ск. I, 51—52). Записана въ Тверской губ.).

4. Мужикъ, медвѣдь и лиса.

Пахалъ мужикъ ниву; пришелъ къ нему медвѣдь и говоритъ ему: „мужикъ, я тебя сломаю!“ — Нѣтъ, не замай (не трогай); я вотъ сѣю рѣпу, себя возьму хоть корешки,

а тебѣ отдамъ верхки. „Быть такъ, сказалъ медвѣдь, а коли обманешь — такъ въ лѣсъ по дрова ко мнѣ хоть не ѣзди!“ Сказалъ и ушелъ въ дуброву. Пришло время: мужикъ рѣпу копаеъ, а медвѣдь изъ дубровы вылѣзаетъ. „Ну, мужикъ, давай дѣлать!“ — Ладно, медвѣдюшка! давай я привезу тебѣ верхки — и отвѣзъ ему возъ ботвы. Медвѣдь остался доволенъ честнымъ раздѣломъ. Вотъ мужикъ наклакъ свою рѣпу на возъ и повѣзъ въ городъ продавать; а на встрѣчу ему медвѣдь: „мужикъ, куда ты ѣдешь?“ — А вотъ, медвѣдюшка, ѣду въ городъ корешки продавать. Дай-ка попробоватъ, каковъ корешокъ!“ Мужикъ далъ ему рѣпу. Медвѣдь какъ съѣлъ — „а-а! заревѣлъ, ты меня обмануль, мужикъ! корешки твои сладеньки. Теперь не ѣзжай ко мнѣ по дрова, а то задеру!“ Мужикъ воротился изъ города и боится ѣхать въ лѣсъ; пожоги и пѣлочки, и лавочки, и кадочки, наконецъ дѣлать нечего — надо въ лѣсъ ѣхать. Въѣзжаетъ потихонечку; откуда ни возмись бѣжитъ лисица. „Что ты, мужичокъ, спрашиваетъ она, такъ тихо бредешь?“ — Боюсь медвѣдя, сердитъ на меня, обѣщаль задрать. „Небось медвѣдя, руби дрова, а я стану порекаль¹⁾); коли спроситъ медвѣдь: что такое? скажи: ловятъ волковъ и медвѣдей“. Мужикъ принялся рубить; глядь — анъ медвѣдь бѣжитъ и мужику кричитъ: „Эй, старикъ! что это за крикъ?“ Мужикъ говоритъ: „волковъ ловятъ

¹⁾ Охотничій терминъ.

да медвѣдей“. — Охъ, мужичокъ! положи меня въ сани, закидай дровами да увяжи веревкой; авось подумаютъ, что колода лежитъ. Мужикъ положилъ его въ сани, увязалъ веревкою, и давай обухомъ гвоздить его въ голову, пока медвѣдь совсѣмъ окачурился ¹⁾). Прибѣжала лиса и говоритъ: „гдѣ медвѣдь?“ — А вотъ околѣлъ! „Ну чтожъ, мужичокъ, теперь нужно меня угостить“. — Изволь, лисынька! побѣдемъ ко мнѣ, я тебя угощу. Мужикъ ѣдетъ, а лиса впередъ бѣжитъ; сталъ мужикъ подѣзжать къ дому, свиснулъ своимъ собакамъ и притравилъ лисицу. Лиса пустилась къ лѣсу и юркъ въ нору; спряталась въ норѣ и спрашиваетъ: „охъ вы, мои глазоньки, что вы смотрѣли, когда я бѣжала? — Охъ, лисынька, мы смотрѣли, чтобъ ты не спотыкнулась. „А вы, ушки, что дѣлали?“ — А мы все слушали, далеко ли псы гонять. „А ты, хвостъ, что дѣлалъ?“ — Я-то, сказалъ хвостъ, все мотался подъ ногами, чтобъ ты запуталась да упала, да къ собакамъ въ зубы попала. „А-а, каналья! такъ пусть-же тебя собаки ѣдятъ“. И высунувъ изъ норы свой хвостъ, лиса закричала: „ѣшьте, собаки, лисій хвостъ!“ Собаки за хвостъ потащили и лисицу закамлили ²⁾). Такъ часто бываетъ: отъ хвоста и голова пропадаетъ.

(Ап. Ск. I, 37—38).

(Записана въ Тульской губ.).

5. Лиса-плачя.

Жилъ-былъ старикъ со старухою, была у нихъ дочка. Разъ ѣла она бобы и уронила одинъ наземь. Бобъ росъ-росъ и выросъ до неба. Старикъ полѣзъ на небо; влѣзъ туда, ходилъ-ходилъ, любовался-любовался, и говоритъ себѣ: „дай принесу сюда старуху; то-то она обрадуется!“ Слѣзъ наземь, посадилъ старуху въ мѣшокъ, взялъ мѣшокъ въ зубы и полѣзъ опять на-верхъ; лѣзъ, лѣзъ, усталъ да и выронилъ мѣшокъ. Спустился поскорѣе, открылъ мѣшокъ, — лежитъ старуха, зубы ощеряла, глаза вытаращила. Онъ и говоритъ: „что ты, старуха, смѣешься? что зубы-то оскалила?“ да какъ увидѣлъ, что она мертвая, такъ и залился слезами. Жили они одни-одинѣхоньки, среди пустыря: некому и поплакать-то по старухѣ. Вотъ взялъ мѣшокъ съ тремя парами бѣленькихъ курочекъ и пошелъ искать плачя ¹⁾). Видитъ — идетъ медвѣдь, онъ и говоритъ: „поплачь-ко, медвѣдь, по моей старухѣ! я дамъ тебѣ двѣ бѣленькихъ курочки“. Медвѣдь заревѣлъ: „ахъ ты, моя родимая бабушка! какъ тебя жалко“. Нѣтъ, говоритъ старикъ, ты не умѣешь плакать. И пошелъ дальше. Шелъ-шелъ и повстрѣчалъ волка; заставилъ его причитать. и волкъ не умѣетъ. Пошелъ еще и повстрѣчалъ лису, заставилъ ее причитать за пару бѣленькихъ курочекъ. Она и запѣла: „туру-туру, бабушка! убилъ тебя дѣдушка“. Му-

¹⁾ Плачя — женщина, оплакивающая, по обычаю, покойника съ разными причитаньями.

²⁾ Издохъ. ³⁾ Задавил.

жику понравилась пѣсня, онъ заставлялъ лису пѣть въ другой, третій и четвертой разъ: хватъ, а четвертой пары курочекъ и не достаетъ. Старикъ говоритъ: „лиса, лиса! а четвертую пару дома забылъ; пойдёмъ ко мнѣ“. Лиса пошла за нимъ слѣдомъ. Вотъ пришли домой; старикъ взялъ мѣшокъ, положилъ туда пару собакъ, а сверху заложилъ лисанькиными шестью курочками, и отдалъ ей. Лиса взяла и побѣжала; немного погодя, остановилась около нна и говоритъ: „саду на пенёкъ, съѣмъ бѣлую курочку“. Съѣла и побѣжала впередъ; потомъ еще на пенёкъ съѣла и другую курочку съѣла, затѣмъ третью, четвертую, пятую и шестую. А въ седьмой разъ открыла мѣшокъ, собаки на нее и выскочили. Лиса ну бѣжать, бѣжала, бѣжала, и спряталась подъ колоду, спряталась и начала спрашивать: ушки, ушки! что вы дѣлали? — Мы слушали да слушали, чтобъ собаки лисаньку не скушали. Глазки, глазки! что вы дѣлали? — Мы смотрѣли да смотрѣли, чтобъ собаки лисаньку не съѣли. Ножки, ножки! что вы дѣлали? — Мы бѣжали да бѣжали, чтобъ собаки лисаньку не поймали. А ты, хвостиче, что дѣлалъ? — Я по пянкъ, по кустамъ, по колодамъ зацѣплялъ, чтобъ собаки лисаньку поймали да разорвали. А, ты такой! такъ вотъ-же, нате, собаки! вѣште мой хвостъ! — и высунула хвостъ, а собаки схватили за хвостъ, и самое лисицу вытащили и разорвали.

(Ав. Ск. I, 35—36.)

(Записана въ Болъск. у.).

6. Лихо одноглазое.

Жилъ одинъ кузнецъ. „Что, говорить, я горя никакого не видалъ. Говорятъ: лихо на свѣтѣ есть; пойду, поищу себѣ лихо“. Взялъ и пошелъ, выпилъ хорошенько и пошелъ искать лихо. На встрѣчу ему портной. „Здравствуй!“ — Здравствуй. „Куда идешь?“ — Что, братъ, всё говорятъ: лихо на свѣтѣ есть; я никакого лиха не видалъ, иду искать. „Пойдемъ вмѣстѣ. И я хорошо живу и не видалъ лиха; пойдёмъ, поищемъ“. Вотъ они шли, шли; зашли въ лѣсъ, въ густой, темный, нашли маленькую дорожку, пошли по ней — по узенькой дорожкѣ. Шли, шли по этой дорожкѣ, видятъ: изба стоитъ большая. Ночь; некуда идти. „Сѣмъ, говорятъ, зайдемъ въ эту избу“. Вошли: никого тамъ нѣту, пусто, нехорошо. Съѣли себѣ и сидятъ. Вотъ и идетъ высокая женщина, худощавая, кривая, одноокая. „А! говорить, у меня гости. Здравствуйте“. — Здравствуй, бабушка! мы пришли ночевать къ тебѣ. „Ну, хорошо; будетъ что поужинать мнѣ!“ Они перепугались. Вотъ она пошла, беремя дровъ большое принесла; принесла беремя дровъ, поклала въ печку, затопила. Подошла къ нимъ, взяла одного, портнаго, и зарѣзала, посадила въ печку и убрала. Кузнецъ сидитъ и думаетъ: что дѣлать, какъ быть? Она взяла поужинала. Кузнецъ смотритъ въ печку и говоритъ: „Бабушка, я кузнецъ“. — Что умѣешь дѣлать-ковать? „Да я все умѣю“. — Скуй мнѣ глазъ. „Хорошо,

говорить; да есть ли у тебя веревка? Надо тебя связать, а то ты не дашься, я бы тебѣ вквалъ глазъ". Она пошла, принесла двѣ веревки, одну потоньше, а другую толще. Вотъ онъ связалъ ее одною, которая была потоньше. „Ну-ка, бабушка, повернися!“ Она повернулась и разорвала веревку. „Ну, говоритъ, нѣтъ, бабушка! эта не годится“. Взять онъ толстую веревку да этою веревкою скрутилъ ее хорошенько: „повернись-ка, бабушка!“ Вотъ она повернулась—не порвала. Вотъ онъ взялъ шило, разжогъ его, ~~наставилъ~~ на глазъ-то ей, на здоровый, взялъ топоръ да обухомъ какъ ударить по шилу. Она какъ повернется и разорвала веревку, да и съѣла на порогѣ. „А, злодѣй, теперича не уйдешь отъ меня!“ Онъ видитъ, что опять лихо ему; сидитъ, думаетъ: что дѣлать? Потомъ пришли съ поля овцы; она загнала овецъ въ свою избу ночевать. Вотъ кузнецъ ночевалъ ночь. Поутру стала она овецъ выпускать. Онъ взялъ шубу да вывернулъ шерстью вверхъ, да въ рукава-то надѣлъ и подлѣзъ къ ней какъ овечка. Она все по одной выпускала; какъ хватить за спину, такъ и выкинетъ ее. И онъ подползъ; она и егохватила за спину и выкинула. Выкинула его, онъ всталъ и говорить: „прощай, Лихо! натерпѣлся я отъ тебя лиха; теперь ничего не съѣлаешь“. Она говоритъ: „постой, еще натернисья, ты не ушелъ!“

И пошелъ опять кузнецъ въ лѣсъ по узенькой тропинкѣ. Смотрить: въ деревѣ топорикъ съ золотой ручкой;

захотѣлъ себѣ взять. Вотъ онъ взялся за этотъ топорикъ, рука и пристала къ нему. Что дѣлать? никакъ не оторвешь. Оглянулся назадъ: идетъ къ нему Лихо и кричитъ: „вотъ ты, злодѣй, и не ушелъ!“ Кузнецъ вынулъ ножичекъ, въ карманѣ у него былъ, и давай эту руку пилить; отрѣзалъ ее и ушелъ. Пришелъ въ свою деревню и началъ показывать руку, что теперь видѣлъ Лихо. „Вотъ говоритъ, посмотрите—каково оно: я, говоритъ, безъ руки, а товарища моего со всѣми съѣла“. Тутъ и сказеъ конецъ.

(Ае. Ск. III, 100—101).

(Записана въ Воронежск. г., въ Нижнедѣвцк. у.).

7. Морской Царь и Василиса Премудрая.

За тридцать земель въ тридцатомъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицею; дѣтей у нихъ не было. Поѣхалъ царь по чужимъ землямъ, по дальнимъ сторонамъ, долгое время домой не бывалъ; на ту пору родила ему царица сына Ивана-царевича, а царь про то и не вѣдаетъ. Сталъ онъ держать путь въ свое государство, сталъ подѣзжать къ своей землѣ, а день-то былъ жаркой-жаркой, солнце такъ и пекло! и напала на него жажда великая; что ни дать, только бы воды испить! Осмотрѣлся кругомъ и видитъ недалеко большое озеро; подѣхалъ къ озеру, слѣзъ съ коня, прилежъ на брюхо и давай глотать студѣющую воду. Пьетъ и не чуеъ бѣды: а Царь Морской ухватилъ

его за бороду. „Пусти!“ проситъ царь. „Не пушу, не смѣй пить безъ моего вѣдома!“ — Какой хочешь, возьми окупъ — только отпусти! „Давай то, чего дома не знаешь“. Царь подумалъ-подумалъ, чего онъ дома не знаетъ? кажись, все знаетъ, все ему вѣдомо, и согласился. Попробовалъ — бороду никто не держитъ, всталъ съ земли, сѣлъ на коня и поѣхалъ восвояси.

Вотъ приѣзжаетъ домой, царица встрѣчаетъ его съ царевичемъ такая радостная; а онъ какъ узналъ про свое милое дѣтище, такъ и залился горькими слезами. Разказалъ царицѣ, какъ и что съ нимъ было, поплакали вмѣстѣ, да вѣдь дѣлать-то нечего, слезами дѣла не поправишь. Стали они жить по старому; а царевичъ растетъ себѣ да растетъ, словно тѣсто на опарѣ — не по днямъ, а по часамъ, и выросъ большой. „Сколько ни держать при себѣ, думаетъ царь, а отдавать надобно: дѣло не минуемое!“ Взялъ Ивана-царевича за руку, привелъ прямо къ озеру: „поищи здѣсь, говорятъ, мой перстень; я ненарокомъ вчера обронилъ“. Оставилъ одного царевича, а самъ повернулъ домой. Сталъ царевичъ искать перстень, идетъ по берегу, и попадаетъ ему на встрѣчу старушка. „Куда идешь, Иванъ-царевичъ?“ — Отвяжись, не докучай, старая вѣдьма! и безъ тебя досадно. „Ну, оставайся съ Богомъ!“ и пошла старушка въ сторону. А Иванъ-царевичъ пораздумался: „за что обругалъ старуху? Дай ворочу ее; старые люди хитры и догадливы! авось что и доброе скажетъ“. И

сталъ ворочать старушку: воротись, бабушка, да прости мое слово гдупое! Вѣдь я съ досады вымолвилъ: заставилъ меня отецъ перстня искать, хожу-высматриваю, а перстня нѣтъ какъ нѣтъ!“ — Не за перстнемъ ты здѣсь; отдалъ тебя отецъ Морскому Царю: выйдетъ Морской Царь и возьметъ тебя съ собою въ подводное царство. Горько заплакалъ царевичъ. „Не тужи, Иванъ-царевичъ! будетъ и на твоей улицѣ праздникъ; только слушайся меня старухи. Спрячься вонъ за тотъ кустъ смородины и прижмись тихохонько. Прилетятъ сюда двѣнадцать голубицъ — все красныхъ дѣвицъ, а вслѣдъ за ними и тринадцатая; станутъ въ озерѣ купаться; а ты тѣмъ временемъ унеси у послѣдней сорочку и до тѣхъ поръ не отдавай, пока не подаритъ она тебѣ своего колечка. Если не сумѣешь этого сдѣлать, ты погябъ на вѣки: у Морского Царя кругомъ всего дворца стоятъ частоколь высокій на цѣлыя на десять верстъ, и на каждой спицѣ по головѣ воткнуто; только одна порожняя, не угоди на нее попасть!“ Иванъ-царевичъ поблагодарилъ старушку, спрятался за смородиновый кустъ, и ждетъ поры-времени.

Вдругъ прилетаютъ двѣнадцать голубицъ: ударились о сыру землю и обернулись красными дѣвицами, всѣ до единой красоты несказанной: ни вздумать, ни взглянуть, ни перомъ написать! Поскидали шатля и пустились въ озеро: играютъ, плещутся, смѣются, пѣсни поютъ. Вслѣдъ за ними прилетѣла и тринадцатая голубица; ударилась о сыру

землю, обернулась красной дѣвицей, сбросила съ бѣлаго тѣла сорочку и пошла купаться: и была она всѣхъ пригожѣе, всѣхъ красивѣе! Долго Иванъ-царевичъ не могъ отвести очей своихъ, долго на нее заглядывался; да припомнилъ, что говорила ему старуха, подкрался тихонько и унесъ сорочку. Вышла изъ воды красная дѣвица, хватилась—нѣтъ сорочки, унесъ кто-то; бросились всѣ искать, искали-искали—не видать нигдѣ. „Не ищите, милыя сестрицы! полетайте домой; я сама виновата—не досмотрѣла, сама и отвѣчать буду“. Сестрицы, красныя дѣвицы, ударились о сырую землю, сдѣлались голубявами, взмахнули крыльями и полетѣли прочь. Осталась одна дѣвица, осмотрѣла кругомъ и промолвила: „кто бы ни былъ таковъ, у кого моя сорочка, выходи сюда; коли старой человекъ—будешь мнѣ родной батюшка, коли среднихлѣтъ—будешь братецъ любимой, коли ровня мнѣ—будешь милой другъ!“ Только сказала послѣднее слово, показался Иванъ-царевичъ. Подала она ему золотое колечко и говоритъ: „ахъ, Иванъ-царевичъ! что давно не приходилъ? Морской Царь на тебя гнѣвается. Вотъ дорога, что ведетъ въ подводное царство; ступай по ней смѣло! Тамъ и меня найдешь; вѣдь я дочь Морского Царя, Василиса Премудрая.

Обернулась Василиса Премудрая голубью и улетѣла отъ царевича. А Иванъ-царевичъ отправился въ подводное царство; видитъ: и тамъ свѣтъ такой-же, какъ у насъ; и тамъ поля и луга, и рощи зеленныя, и

солнышко грѣеть. Приходитъ онъ къ Морскому Царю. Закричалъ на него Морской Царь: „что такъ долго не бывалъ? за вину твою вотъ тебѣ служба: есть у меня пустошь на тридцать вѣрстъ и въ длину и въ поперѣкъ—одни рвы, буераки да каменьё острое! Чтобъ къ завтраму было тамъ какъ ладонь гладко, и была бы рожь посѣяна и выросла—къ раннему утру такъ высока, чтобы въ ней галка могла схорониться. Если того не сдѣлаешь—голова твоя съ плечъ долой!“ Идетъ Иванъ-царевичъ отъ Морского Царя, самъ слезами обливается. Увидала его въ окно изъ своего терема высокая Василиса Премудрая и спрашиваетъ: „здравствуй, Иванъ-царевичъ! что слезами обливаешься?“—Какъ-же мнѣ не плакать? отвѣчаетъ царевичъ; заставилъ меня Царь Морской за одну ночь сравнять рвы, буераки и каменьё острое, и засѣять рожью, чтобъ къ утру она выросла и могла въ ней галка спрятаться. „Это не бѣда, бѣда впереди будетъ! Ложись съ Богомъ спать; утро вечера мудренѣе, все будетъ готово!“ Легъ спать Иванъ-царевичъ, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и крикнула громкимъ голосомъ: „гѣй вы, слуги мои вѣрные! ровняйте-ка рвы глубокие, снесите каменьё острое, засѣвайте рожью колосистою, чтобъ къ утру поспѣло!“ Проснулся на зарѣ Иванъ-царевичъ, глянулъ—все готово; нѣтъ ни рвовъ, ни буераковъ, стоитъ поле какъ ладонь гладкое и красуется на немъ рожь—столь высока, что галка схоронится. Пошелъ къ Морскому Царю съ до-

кладомъ. „Спасибо тебѣ, говоритъ Морской Царь, что сумѣлъ службу сослужить. Вотъ тебѣ другая работа: есть у меня триста скирдовъ, въ каждомъ скирду по триста копенъ — все пшеница бѣлая; обмоли миѣ къ завтраму всю пшеницу чисто-на-чисто до единого зѣрнушка, а скирдовъ не ломай и сноповъ не разбивай. Если не сдѣлаешь — голова твоя съ плечъ долой!“ — Слушаю, ваше величество! сказалъ Иванъ-царевичъ; опять идетъ по двору, да слезами обливается. „О чемъ горько плачешь?“ спрашиваетъ его Василиса Премудрая. — Какъ же миѣ не плакать? Приказалъ миѣ Царь Морской за одну ночь всѣ скирды обмолотить, зерна не обронить, а скирдовъ не ломать и сноповъ не разбивать“. Это не бѣда, бѣда впереди будетъ! Ложись спать съ Богомъ; утро вечера мудренѣе“. Царевичъ легъ спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громкимъ голосомъ: „гей вы, муравьи ползучіе! сколько васъ на бѣломъ свѣтѣ ни есть — всѣ ползите сюда и выберите зерно изъ батюшкиныхъ скирдовъ чисто-на-чисто“. Поутру зоветъ Морской Царь Ивана - царевича: „сослужилъ ли службу?“ — Сослужилъ, ваше величество! „Пойдемъ, посмотримъ“. Пришли на гумно — всѣ скирды стоять нетронуты, пришли въ житницы — всѣ закрома полнехоньки зерномъ. „Спасибо тебѣ, братъ! сказалъ Морской Царь; сдѣлай миѣ еще церковь изъ чистаго воску, чтобъ къ разсвѣту была готова: это будетъ твоя послѣдняя служба“. Опять

идетъ Иванъ-царевичъ по двору и слезами умывается. „О чемъ горько плачешь?“ спрашиваетъ его изъ высокаго терема Василиса Премудрая. — Какъ миѣ не плакать доброму молодцу? Приказалъ Морской Царь за одну ночь сдѣлать церковь изъ чистаго воску. „Ну, это еще не бѣда, бѣда впереди будетъ. Ложись-ка спать; утро вечера мудренѣе“. Царевичъ улегся спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громкимъ голосомъ: „гей вы, пчелы работающія! сколько васъ на бѣломъ свѣтѣ ни есть — всѣ летите сюда и слѣпите изъ чистаго воску церковь божию, чтобъ къ утру была готова“. Поутру всталъ Иванъ-царевичъ, глянулъ — стоитъ церковь изъ чистаго воску, и пошелъ къ Морскому Царю съ докладомъ. „Спасибо тебѣ, Иванъ-царевичъ! Какихъ слугъ у меня ни было, никто не сумѣлъ такъ угождать, какъ ты. Будь же за то моимъ наследникомъ, всего царства оберегателемъ; выбирай себѣ любую изъ тринадцати дочерей моихъ въ жены“. Иванъ-царевичъ выбралъ Василису Премудрую; тотчасъ ихъ обвѣнчали и на радости пировали цѣлыхъ три дня.

Ни много, ни мало прошло времени, стосковался Иванъ-царевичъ по своимъ родителямъ, захотѣлось ему на святую Русь. „Что такъ грустенъ, Иванъ-царевичъ?“ — Ахъ. Василиса Премудрая, сгрустнулось по отцу, по матери, захотѣлось на святую Русь. „Вотъ это бѣда пришла! Если уйдемъ мы, будемъ за нами погоня великая; Царь Морской разгнѣвается и предастъ насъ

смерти. Надо ухитриться!“ Шлюнула Василиса Премудрая въ трехъ углахъ, заперла двери въ своемъ теремѣ, и побѣжала съ Иваномъ-царевичемъ на святую Русь. На другой день ранехонько приходятъ посланные отъ Морскаго Царя — молодыхъ подымать, во дворецъ къ царю звать. Стучатся въ двери: „проснитесь, пробудитесь! васъ батюшка зоветъ“. — Еще рано, мы не выспались; приходите послѣ! отвѣчаетъ одна сляюка. Вотъ посланные ушли, обождали часъ, другой, и опять стучатся: „не пора-время спать, пора-время вставать!“ — Погодите немножко; встанемъ, одѣнемся! отвѣчаетъ вторая сляюка. Въ третій разъ приходятъ посланные: „Царь де Морской гнѣвается, зачѣмъ такъ долго они прохлаждаются“. — Сейчасъ будемъ! отвѣчаетъ третья сляюка. Подождали-подождали посланные и давай опять стучаться; нѣтъ отълика, нѣтъ отъыва! выломали двери, а въ теремѣ пусто. Доложили царю, что молодые убѣжали; озлобился онъ и послалъ за ними погоню великую.

А Василиса Премудрая съ Иваномъ-царевичемъ уже далеко-далеко! скачутъ на борзыхъ коняхъ безъ остановки, безъ роздыху. „Ну-ка, Иванъ-царевичъ, припади къ сырой землѣ да послушай, нѣтъ ли погони отъ Морскаго Царя?“ Иванъ-царевичъ соскочилъ съ коня, припалъ ухомъ къ сырой землѣ, и говоритъ: „слышу я людскую молвь и конской топъ!“ — Это за нами гонять! сказала Василиса Премудрая, и тотчасъ обратила коней зеленымъ лугомъ,

Ивана-царевича старымъ пастухомъ, а сама сдѣлалась смирною овечкою. Наѣзжаетъ погоня: „эй, старичокъ! не видалъ ли ты — не проскакалъ ли здѣсь доброй молодецъ съ красной дѣвицей?“ — Нѣтъ, люди добрые, не видалъ, отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ; сорокъ лѣтъ какъ пасу на этомъ мѣстѣ — ни одна птица мимо не пролетывала, ни одинъ звѣрь мимо не прорыскивалъ! Воротилась погоня назадъ: „ваше царское величество! никого въ пути не наѣхали, видѣли только: пастухъ овечку пасетъ“. — Что-жъ не хватили? вѣдь это они были! закричалъ Морской Царь, и послалъ новую погоню. А Иванъ-царевичъ съ Василисою Премудрою давнымъ-давно скачутъ на борзыхъ коняхъ. „Ну, Иванъ-царевичъ, припади къ сырой землѣ да послушай, нѣтъ ли погони отъ Морскаго Царя?“ Иванъ-царевичъ слѣзъ съ коня, припалъ ухомъ къ сырой землѣ, и говоритъ: „слышу я людскую молвь и конской топъ“. — Это за нами гонять! сказала Василиса Премудрая; сама сдѣлалась церковю, Ивана-царевича обратила старенькимъ попомъ, а лошадей деревьями. Наѣзжаетъ погоня: „эй, батюшка! не видалъ ли ты — не проходилъ ли здѣсь пастухъ съ овечкою?“ — Нѣтъ, люди добрые, не видалъ; сорокъ лѣтъ тружусь въ этой церковѣ — ни одна птица мимо не пролетывала, ни одинъ звѣрь мимо не прорыскивалъ! Повернула погоня назадъ: ваше царское величество! нигдѣ не нашли пастуха съ овечкою; только въ пути и видѣли, что церковъ да попа-старика.“ —

Что-жь вы церковь не разломали, попа не захватили? вѣдь это они самые были! закричалъ Морской Царь, и самъ поскакалъ въ догонъ за Иваномъ - царевичемъ и Василисой Премудрою. А они далеко уѣхали. Опять говоритъ Василиса Премудрая: „Иванъ-царевичъ! припади къ сырой землѣ—не слышать ли погони?“ Слѣзь царевичъ съ коня, припалъ ухомъ къ сырой землѣ, и говоритъ: „слышу я людскую молвь и конской топъ пуще прежняго!“— Это самъ царь скачетъ. Оборотила Василиса Премудрая коней озеромъ, Ивана-царевича селезнемъ, а сама сдѣлалась уткою. Прискакалъ Царь Морской къ озеру, тотчасъ догадался, кто таковы утка и селезень; ударился о сыру землю и обернулся орломъ. Хочетъ орелъ убить ихъ до смерти; да не тутъ-то было: что ни разлетится сверху.. вотъ-вотъ ударить селезня, а селезень въ воду нырнетъ: вотъ-вотъ ударить утку, а утка въ воду нырнетъ! Бился-бился, такъ ничего и не смогъ сдѣлать. Поскакалъ Царь Морской въ свое подводное царство, а Василиса Премудрая съ Иваномъ-царевичемъ выждали доброе время и поѣхали на святую Русь.

Долго ли, коротко ли, пріѣхали они въ тридцатое царство. „Подожди меня въ этомъ лѣсоцкѣ, говоритъ царевичъ Василисъ Премудрой; я пойду, доложусь напередъ отцу, матери“.—Ты меня забудешь, Иванъ-царевичъ! „Нѣтъ, не забуду“. — Нѣтъ, Иванъ-царевичъ, не говори, позабудешь! Вспомни обо мнѣ хоть тогда, какъ ста-

нутъ два голубка въ окна биться! Пришелъ Иванъ-царевичъ во дворецъ; увидали его родители, бросились ему на шею и стали цѣловать-миловать его; на радостяхъ позабылъ Иванъ-царевичъ про Василису Премудрую. Живетъ день и другой съ отцомъ, съ матерью, а на третій задумалъ свататься на какой-то королевнѣ. Василиса Премудрая пошла въ городъ и нанялась къ просвириѣ въ работницы. Стали просвиры готовить; она взяла два кусочка тѣста, слѣпила пару голубковъ и посадила въ печь. „Разгадай, хозяйшка, что будетъ изъ этихъ голубковъ?“ — А что будетъ? съѣдимъ ихъ—вотъ и все! „Нѣтъ, не угадала!“ Открыла Василиса Премудрая печь, отворила окно — и въ ту-жь минуту голуби встрепенулися, полетѣли прямо во дворецъ и начали биться въ окна; сколько прислуга царская ни старалась, ничѣмъ не могла отогнать ихъ прочь. Тутъ только Иванъ-царевичъ вспомнилъ про Василису Премудрую, послалъ гонцовъ во всѣ концы разспрашивать да розыскивать, и нашель ее у просвири; взялъ за руки бѣлыя, цѣловалъ въ уста сахарныя, привелъ къ отцу, къ матери, и стали всѣ вмѣстѣ жить да поживать, да добра наживать.

(Ав. Ск. II, 335—343).

(Записан. въ Тверск. г.).

8. Затрнное молоко.

Жилъ-былъ царь, у него были сынъ да дочь. Въ соуднемъ государствѣ случилась бѣда немалая—

вымеръ весь народъ; просить Иванъ-царевичъ отца: „батьюшка! благовослови меня въ то государство на житье ѣхать“. Отецъ не согласенъ. „Коли такъ, я и самъ пойду!“ Пошелъ Иванъ-царевичъ, а сестра не захотѣла отъ него отстать и сама пошла. Шли они нѣсколько времени. Стоитъ въ чистомъ полѣ избушка на куринныхъ ножкахъ и повертывается; Иванъ-царевичъ сказалъ: „избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила“. Избушка остановилась, они вошли въ нее, а тамъ лежатъ баба-яга: въ одномъ углу ноги, въ другомъ голова, губы на притолкѣ, носъ въ потолокъ утонула. „Здравствуй, Иванъ-царевичъ! что, дѣла пытаешь, аль отъ дѣла лытаешь?“ — Гдѣ дѣла пытаю, а гдѣ и отъ дѣла лытаю; въ такомъ-то царствѣ народъ вымеръ, иду туда на житье. Она ему говоритъ: „самъ бы туда шель, а сестру напрасно взялъ; она тебѣ много вреда сдѣлаетъ“. Напоила ихъ, накормила и спать положила. На другой день братъ съ сестрой собираются въ дорогу; баба-яга даетъ Ивану-царевичу собаку да синій клубочекъ: „куда клубочекъ покатится, туда и иди!“ Клубочекъ подкатился къ другой избушкѣ на куринныхъ ножкахъ. „Избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила“. Избушка остановилась, царевичъ съ царевною вошли въ нее: лежатъ баба-яга и спрашивается: „что, Иванъ-царевичъ, отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь?“ Онъ ей сказалъ, куда и зачѣмъ идетъ. „Самъ бы туда шель, а

сестру напрасно взялъ; она тебѣ много вреда сдѣлаетъ“. Напоила ихъ, накормила и спать положила. Наутро подарила Ивану-царевичу собаку и полотенце: будетъ у тебя на пути большая рѣка — перейдти нельзя: ты возьми это полотенце да махни однимъ концомъ — тотчасъ явится мостъ; а когда перейдешь на ту сторону, махни другимъ концомъ — и мостъ пропадетъ. Да смотри: махай украдкой, чтобъ сестра не видѣла“. Пошелъ Иванъ-царевичъ съ сестрою въ путь-дорогу: куда клубокъ катится, туда и идутъ. Подошли къ широкой-широкой рѣкѣ. Сестра говоритъ: „братецъ! сидѣть тутъ отдохнуть“. Сѣла и не видала, какъ царевичъ махнулъ полотенцемъ — тотчасъ мостъ явился. „Пойдемъ, сестрица! Богъ далъ мостъ, чтобъ перейдти намъ на ту сторону“. Перешли за рѣку: царевичъ украдкой махнулъ другимъ концомъ полотенца — мостъ пропалъ, какъ не бывало! Приходятъ они въ то самое царство, гдѣ народъ вымеръ: никого нѣтъ, вездѣ пусто! Пообжилися немножко; вздумалось брату пойти на охоту, и пошелъ онъ со своими собаками бродить по лѣсамъ, по болотамъ.

Въ это время прилетаетъ къ рѣкѣ Змѣй Горынычъ; ударился о сыру землю и сдѣлался такимъ молодцомъ да красавцемъ, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать. Зоветъ къ себѣ царевну: „ты, говоритъ, меня измучила, твоей засушила; я безъ тебя жить не могу!“ Полюбился Змѣй Горынычъ царевнѣ, кричитъ ему: „лети